

В. Ю. ГРУШЕВСКАЯ

Екатеринбург

**АУТЕНТИЧНОСТЬ КАК ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКИЙ
ИДЕАЛ В ТВОРЧЕСТВЕ ЕГОРА ЛЕТОВА 1985–1993 ГОДОВ**

Аннотация: Целью работы является анализ идеала аутентичности как одного из проявлений философско-психологической интенции поэзии Егора Летова 1985–1993 годов.

Ключевые слова: Егор Летов, рок-поэзия, сибирский панк-рок, русский авангард, аутентичность, подлинность, экзистенция.

Сведения об авторе: Грушевская Вероника Юлдашевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга, Институт экономики и управления ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина».

Контакты: 620002, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19, v.iu.grushevskaja@urfu.ru.

GRUSHEVSKAYA V. YU.

Yekaterinburg

**AUTHENTICITY AS A PHILOSOPHICAL AND AESTHETIC IDEAL
IN THE WORKS OF YEGOR LETOV IN 1985–1993**

Abstract: The aim of the work is to analyze the ideal of authenticity as one of the manifestations of the philosophical and psychological intention of Yegor Letov's poetry from 1985 to 1993.

Key words: Egor Letov, rock poetry, Siberian punk rock, Russian avant-garde, authenticity, genuineness, existence.

About the author: Grushevskaya Veronica Yuldashevna, candidate of philological Sciences, Associate Professor of the Department of Integrated Marketing Communications and Branding, Institute of Economics and Management, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin.

В академических публикациях и субкультурных сообществах Егор Летов имеет репутацию интеллектуального лидера, оказавшего решающее влияние на мировоззрение представителей советского и русского панк-движения. Его авторитетность, живой отклик и признательность аудитории обусловлены не только поэтическим и музыкальным своеобразием, но и всей совокупностью интенциональных и

ценностно-смысловых факторов, позволяющих автору выстраивать коммуникацию вокруг сложных, субъективно-значимых и одновременно актуальных проблем. В условиях повышенного внимания к проблемам коммуникации изучение подобного творческого опыта, а также вклада Летова в мировоззрение и культуру русского андеграунда обретают особую актуальность.

Исследование мировоззренческих доминант творчества Егора Летова для понимания специфики российского андеграунда особенно важно. В настоящее время предметом академических исследований становится своеобразие художественного мира, проявления авторского начала, ключевые концепции и мифопоэтика, основные мотивы и устойчивые образные ряды. Ю. В. Доманский описывает выраженное посредством «формульной поэтики» авторское мироощущение, в котором взаимоисключающие крайности сливаются в синкретическое единство: деструктивное оказывается конструктивным, пессимистичное воспринимается как жизнеутверждающее, «и позитивные, и негативные образы оказываются неопределимыми» [5, с. 84]. К числу регулярных проявлений такой амбивалентности относится особая позиция поэтического «Я» [20, с. 63].

Другим объектом академических исследований проявлений авторского начала становится автобиографический миф, который анализируется на материале творчества, высказываний поэта о себе и элементов биографии, имевших широкий общественный резонанс [19].

Внимание целого ряда исследователей привлекает интенциональный план летовского дискурса, в частности, экзистенциальная проблематика творчества: мотив одиночества, нереализуемое стремление выйти за границы пространства и времени, желанное и недоступное пространство дома [13], категория смерти [18], концепт пути [14], концепт войны [11], миф экзистенциальной мобилизации [15], эсхатологический код [17].

Значимость философско-психологической интенции летовского творчества подтверждается не только исследованиями, но и авторскими комментариями: «я прежде всего занимаюсь разработкой слова, экспериментами над словом, психологией и философией, воплощёнными в слове» [9].

Мы рассмотрим концепцию аутентичности как философско-эстетический идеал, часть авторского мироощущения и творческую установку Егора Летова. В данной статье тематический анализ будет производиться на материале песен и интервью 1985–1993 годов.

В работе «Панк в России: краткая история эволюции» [4, с. 29–30] феномен панка рассматривается как культура, основанная на принципах аутентичности. Однако концепция аутентичности весьма

многогранна и вписана в контекст актуальных философских, психологических и культурологических исследований мышления, мотивации, коммуникации и поведения человека.

Ч. Гиньон, рассматривая варианты прочтения слова «аутентичность», выделяет экзистенциальный и этико-добродетельный подходы. Автор объединяет вокруг современной концепции аутентичности ряд понятий: самость, обращённость внутрь себя (inwardness) С. Кьеркегора, «Dasein» М. Хайдеггера и другие [3]. В экзистенциальной философии эти концепции используются для описания способа жизни, характеризуемого такими качествами как целостность, интенсивность, ясность, согласованность и честность. Экзистенциальный подход предполагает различие между глубокими внутренними убеждениями и интенциями, определяющими «я», и внешними проявлениями, характеризующими поведение человека в социальном пространстве. Хотя в философии аутентичность чаще всего рассматривается как идеал или проект, для которого характерно стремление к соответствию человека самому себе, согласованность между внешним и внутренним, данная концепция оказалась востребована в тяготеющих к экзистенциализму психотерапевтических практиках. В психологии выделяют [1, с. 33] пять основных направлений исследования аутентичности:

- синоним «Я» в контексте психологии самосознания, позволяющего «познать истинные собственные потребности и возможности»;
- отождествление феноменов «аутентичности» и «идентичности»;
- рассмотрение «аутентичности» как «подлинности» личности, её соответствия самой себе и «приобретённым принципам, которые вносят смысл и гармонию в нашу жизнь», либо как проявление зрелости личности, достигаемое через преодоление ряда экзистенциальных кризисов;
- трактовка аутентичности через обращение к категории «аутентичный способ бытия»;
- раскрытие аутентичности, идентичности и «Я» как явлений дискурсивной природы, например, для обозначения соответствия внутреннего (взглядов, чувств, состояний) и внешнего (поведения и высказываний).

В летовском творчестве описанные выше идеи представлены достаточно широко. Наличие глубинного, внутреннего начала является важнейшей составляющей летовского мироощущения. В строке «По моей неубитой душе плачет скорбно забытый разум» явно выражена трансцендентная часть летовской «я-концепции»: «я летаю снаружи всех измерений» [12, с. 265].

Однако гораздо чаще в летовской лирике эта часть не присутствует настолько явно. В песне «Простор открыт» она лишь мелькает в отражении, посылая таинственные сигналы: «Распахнулось настужь оконце / Скрипнули навзрыд половицы / В зеркале незваные гости / Подмигнули – померещились кому-то из нас» [12, с. 320].

В летовской лирике наблюдается «удвоение Я» – феномен, описываемый в экзистенциальной психологии как переживание аутентичности: «как будто моё субъектное Я совпадает с моим глубинным личностным Я» [21, с. 54]. Герой «Непонятной песенки» ходит «за собою по пятам» и упоённо наступает себе на пятки [12, с. 271], а в песне «Толчки и червячки» весело дурачится: «На цыпочках подкравшись к себе / Я позвонил и убежал» [12, с. 292].

В «Песенке о святости, мышe и камыше» основные коллизии разворачиваются именно вокруг этого невыразимого обозначаемого, которое: «ушами не услышать, мозгами не понять», «руками не потрогать, словами не назвать», «глазами не увидеть, мозгами не понять». Это многогранное нечто одновременно и «убийственная песенка матёрая», и приснившееся лирическому герою «что-то такое вот лихое, что никак не вспомнить ни мне, ни тебе», и источник духовного преображения: «Свят кто слышал отголосок / Дважды свят, кто видел отраженье / Стократно свят у кого лежит в кармане, то, что глазами не увидеть, мозгами не понять» [12, с. 284].

В интервью Егор Летов активно использует лексику и образность, соответствующую авторскому пониманию аутентичности. Отвечая на вопрос о личном «секретном задании», он говорит о наличии «потайной сущности», её причастности к истинным для неё, невыразимым, необъятным вещам»: «Необходимо решиться обречь себя на безумную, крамольную, смертельную охоту за этим глубинным знанием – ухватить за хвост, за тень, спиздить, в конце концов, это изначально, невыразимое, единственное знание, которое – суть всего. Всё, что я делаю это попытка извлечь из себя его, ибо ощущаю себя его хранителем. Все мои настоящие песни – только об этом. Это и Русское Поле..., Мясная Избушка, Прыг-Скок, Про Дурачка. Это векторы, указатели, ничтожные, тщедушные, конечно. Но благодаря им я сподобился ощутить суровый, зловещий и праздничный сквознячок из чуть приотворённой двери, лучик из дверного глазка. Для меня единственно важное из всего, что происходило со мной и вокруг меня – эта вот открытая дверь, постоянное ожидающее присутствие истинного, родного начала, существующего параллельно всей этой дешевой бутафории» [9].

Таким образом, в летовском мироощущении присутствует как сама «потаённая сущность», так и изначальное знание, к которому только через неё можно приобщиться.

Летовский нонконформизм выражается в противостоянии знаменитому образу «пластмассового мира», победа которого, как кажется герою песни «Моя оборона», не оставляет шанса хрупкому глубинному «я»: «Последний кораблик остыл, / Последний фонарик устал» [12, с. 241]. Лирический герой «Превосходной песни» болезненно ощущает свою чужеродность, обнаружив вокруг озлобленную и потакающую своим порокам банальность: «Ежедневно ужираться до грязи, до блевотины / Ругать совдеп ожирелой рыготинной / Учить своих ближних превосходной рогатиной / И чтить пресловутый человеческий фактор» [12, с. 263].

Фиксация чужеродности, подобная хайдегеровскому понятию заброшенности (Geworfenheit), обозначающему противоположное свободе погружение в повседневное человеческое существование, присутствует не только в творчестве, но и в прямых авторских высказываниях: «Здесь я диверсант, заброшенный на вражескую территорию. Этакий Штирлиц» [8, с. 77].

Сочетание отчуждённости с твёрдым намерением противостоять гнетущему давлению повседневности у летовского Штирлица-диверсанта связано с невозможностью выполнения «секретного задания» в рамках стереотипных социальных ролей. Жизнь «как у людей» приводит лишь к упрощению мира и выхолащиванию смыслов: «Все слои размокли. / Все слова истлели». Её печальным итогом становятся лишь страшные обломки вещей, времени и плоти: «В стоптанных ботинках / Годы и окурки / В стиранных карманах / Паспорта и пальцы» [12, с. 240]. В житнетворческом мироощущении Летова «пустые звуки, пустые дни» [12, с. 78] в равной степени неинтересны, лирический герой призывает единомышленников к бегству из убивающего дух пространства.

В этом контексте экспрессивно-гротескная образность «пластмассового мира» – это не столько приём осмеяния, сколько форма выражения того, что в философии В. Франкла называется «экзистенциальный вакуум» – «глубинное чувство утраты смысла, которое соединено с ощущением пустоты» [19, с. 24]. А изображение абсурдности повседневного существования, в свою очередь, лишь способ указать на «праздничный сквознячок, из чуть приотворенной двери»: «мне все говорят – у тебя, мол, одна чернуха, мракобесие, депрессняк... Это ещё раз говорит о том, что ни хрена никто не петрит! Я вот совершенно трезво и искренне сейчас говорю – все мои песни (или почти все) –

именно о ЛЮБВИ, СВЕТЕ И РАДОСТИ. То есть о том, КАКОВО – когда этого нет!» [6, с. 11].

В летовской системе возможность быть собой ощущается как присутствие «истинного, родного начала», которое противопоставляется «дешёвой бутафории» спектакля социальных масок: «Праздник кончился, добрые люди примеряют условные лица», «принимают картинные позы» [12, с. 246].

Лирический герой Летова стремится разделить счастье подлинности с «сумасшедшими и смешными» единомышленниками. Летовский праздник многолюден, а важной частью авторского мироощущения является единение: «Я застал советский “вудсток” – последний, наверное, отчаянный, чудесный всплеск детской чистой, живой радости – в годах 84–88 – и сам этому, надеюсь, в какой-то мере пососедействовал. Я застал праздник, я был на него приглашён. Такого больше не будет» [6, с. 11].

Летову важен социальный и культурный контекст, он не только ищет последователей, но и сам ощущает себя частью целого. Размышляя о природе рок-движения, он называет его религиозным действием, шаманством, животной музыкой, формой потока сознания. Характеризуя этот процесс, Летов упоминает статью Германа Гессе «Братья Карамазовы, или закат Европы» в которой усложнённый и вобравший в себя тёмные глубины подсознания феномен аутентичности осмысливается сквозь призму системы образов великого романа, и карамазовщина воплощает «неоформленный материал душевной плазмы, порывы, которым нет имени», и которые, «способны говорить таким сильным, таким естественным, таким невинным голосом, что всякое добро и зло становятся сомнительными, а всякий закон – зыблемым» [2]. В летовской интерпретации этой статьи Достоевский является провозвестником движения, представители которого – «потенциальные самоубийцы (люди, у которых во главе угла своеволие, которые не боятся смерти – «нелюди»)» [7, с. 37].

В лирике конца 80-х – начала 90-х возникает череда чудаков – искателей подлинности. В их числе возвращающийся домой Маленький принц, взыскующий сигнала от таинственного «кого-то там» Плюшевый мишутка, и, конечно, всегда живой Дурачок, невыразимая цель поисков которого лежит вне рассудка. Летовские герои песни «Свобода» выступают носителями радикального мироощущения «не боящихся смерти»: «Как бежал за солнышком слепой Ивашка / Как садился ангел на плечо / Как рвалась и плавилась последняя рубашка / Как и что обрёл-обнял летящий Башлачёв?» [12, с. 285].

В летовской вселенной существует момент выбора – оставаться в бутафорской реальности, где «все как у людей», или двигаться даль-

ше: «Либо человек остаётся в реальности, выходит как на некоем этаже из лифта, а лифт уходит. И он на этом этаже начинает озлобляться, жестокощаться, цинично и злобно торговать собой» [11].

А что же происходит с теми, кто не покинул этот «невидимый лифт на предельный этаж» [12, с. 299]? Летов верит в важность и достижимость идеала, хотя это событие внутренней реальности не обязательно эффектно и заметно посторонним: «Если человек идёт дальше, то он отсюда уходит, как Ян Кёртис или Джим Моррисон, скажем. И не обязательно смерть, он может просто с ума сойти, или в горы податься. Он может просто на заводе до конца жизни проработать. Со стороны это будет непонятно» [10].

Наиболее узнаваемой частью концепции аутентичности является артикуляция субъективности (взглядов, чувств, состояний) и утверждение ценности самостоятельно определённых норм. Наличие дискурсивного аспекта позволит ввести данную концепцию в категориальный аппарат искусствоведческих исследований.

В XIX и XX веках сформировался особый вариант аутентичности в искусстве – образ художника, создающего аутентичное искусство независимо от одобрения публики.

Исследователями выделяются три формы аутентичности в искусстве:

– «творческая» – постулирующая «обращение художника к глубинам собственного уникального Я»;

– «эстетическая» – предполагающая, что произведение имеет автономный статус и всегда содержит в себе больше, нежели автор стремится в него вложить;

– «рецептивная», в которой эффект аутентичности возникает внутри воспринимающего сознания субъекта [16, с. 21].

Н. Т. Рымарь концептуализирует объединяющий эти три формы «эффект аутентичности», который «создаётся только в интерактивном взаимодействии всех трёх участников эстетического события – автора, героя и читателя» [16, с. 22].

О важности эффекта аутентичности в летовском понимании творчества говорится неоднократно. «Я, вот, считаю, что самая важнейшая мера – это предельная живость автора, творца, его одержимость, безрассудство во время творческого акта» [8, с. 86]. Летов красочно описывает ошеломляющий эффект от «всяческих народных архаических ритуальных песнопений» – предельно искреннего любительского исполнения, звучащего «по-настоящему страшно, захватывающе, горько и светло» [8, с. 86].

Рецептивная аутентичность позволяет Летову ощущать себя частью непрерывного духовного и культурного движения: «Мне вот по-

стоянно кажется, когда я встречаю что-нибудь настоящее, – что это – я. Я впервые, когда Doors услышал... – первое, что во мне возникло, это фраза: “Это я пою”. То же самое могу сказать и о фильмах Тарковского, и о Хлебникове, и о Достоевском, и о Вадиме Сидуре... могу до ночи перечислять» [6, с. 10].

Эффект аутентичности в летовской интерпретации превращает творчество в своеобразную духовную практику: «Когда ты НАСТОЯЩИЙ (снова это слово), как мне кажется, творчество излишне. Творчество – это как бы акт очищения, путь домой, через страдание, через расхлёбывание всей этой чудовищной грязи, всей этой патологии. Через это преодоление возникает... ПРОРЫВ. Как озарение» [6, с. 11–12].

Таким образом, философско-психологическую интенцию Егора Летова характеризует стремление через творчество обрести и выразить аутентичный способ бытия. Егора Летова можно назвать одним из ярчайших *представителей культуры аутентичности русского андеграунда 80-х – 90-х годов XX века.*

Литература

1. Альперович В. Д. Кризис аутентичности: социально-психологический аспект [Текст] / В. Д. Альперович // Северокавказский психологический вестник. – 2008. – Т. 6. – № 1. – С. 33–40.
2. Гессе Г. Братья Карамазовы, или закат Европы [Электронный ресурс] // Hermann Hesse – Режим доступа: <http://www.hesse.ru/books/articles/?ar=41> (дата обращения: 04.03.2024).
3. Гиньон Ч. Аутентичность [Текст] / Ч. Гиньон // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность. – 2018. – № 1. – С. 66–74.
4. Гололобов И. Панк в России: краткая история эволюции [Текст] / И. Гололобов, И. Стейнхольт, Х. Пилкингтон // Логос. – 2016. – Т. 26. – № 4 (113). – С. 27–62.
5. Доманский Ю. В. Формульная поэтика Егора Летова [Текст] / Ю. В. Доманский. – Москва ; Калуга ; Венеция : Bull Terrier Records, 2018. – 158 с.
6. Егор Летов: 200 лет одиночества [Текст] // Контр Культ Ур’а – 1991. – № 3. – С. 7–13.
7. Егор Летов: Одиночки опаснее для социума, чем целое движение [Текст] // УР ЛАЙТ. – 1988. – № 5 (23). – С. 36–39.
8. Егор Летов: Приятного Аппетита! (1990) [Текст] // Егор Летов. Я не верю в анархию. – 2001. – № 3. – С. 75–87.
9. Егор Летов: Рок – это дело проигравшее [Текст] // Наш. – 2001. – № 1–2.

10. Егор Летов: Сейчас не имеет смысла заниматься роком [Текст] // РИО. – 1989. – № 38.

11. *Корчинский А. В.* Диалектика военного мифа. Егор Летов и (пост)советская политика памяти [Текст] / А. В. Корчинский // Диалог со временем. – 2016. – № 4. – С. 251–265.

12. *Летов Е.* Стихи. [Текст] / Е. Летов – М.: Выргород, 2018. – 548 с.

13. *Новицкая А. С.* Мотив возвращения в творчестве Егора Летова [Текст] / А. С. Новицкая // Русская рок-поэзия: текст и контекст: Сб. науч. тр. – Вып. 16. – Екатеринбург; Тверь, 2016. – С. 168–171.

14. *Пауэр К. Ю.* Мотив пути в русской рок-поэзии (на примере творчества Александра Башлачёва, Егора Летова и Янки Дягилевой) [Текст] / К. Ю. Пауэр // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2017. – № 4 (79). – С. 82–89.

15. *Половинкин Н. Н.* Пограничное состояние сознания в лирике Егора Летова [Текст] / Н. Н. Половинкин // Человек: границы бытия. Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет, 2018. – С. 102–111.

16. *Рымарь Т. Н.* Проблема аутентичности художественного высказывания в ситуации кризиса языка в XX в. [Текст] / Рымарь Т. Н. // Самара: Самарский гос. ун-т, кафедра русской и зарубежной литературы. – 2013.

17. *Сильченко Г. В.* Эсхатология в поэтике Егора Летова [Текст] / Г. В. Сильченко, А. А. Нененко // VIII Кирилло-Мефодиевские чтения «Славянское слово в контексте времени». – Ишим, 2016. – С. 88–95.

18. *Станкович З. Г.* Рефлексия собственной жизни и смерти в текстах произведений Егора Летова [Текст] / З. Г. Станкович // Русская рок-поэзия: текст и контекст: текст и контекст: Сб. науч. тр. – Вып. 19. – Екатеринбург; Тверь, 2019. – С. 182–187.

19. *Франкл В.* Человек в поисках смысла [Текст] / Франкл В. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.

20. *Черняков А. Н.* «Снаружи всех измерений»: имперсональная топика Егора Летова [Текст] / А. Н. Черняков, Т. В. Цвигун // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. – 2017. – № 4. – С. 63–70.

21. *Шумский В. Б.* «Смерть» и «возрождение» субъекта: индивидуальность в историко-культурном и экзистенциальных контекстах [Текст] / В. Б. Шумский // Мир психологии: журнал. – М.: Изд-во Московский психологосоциальный университет, 2011. – № 1. – С. 44–55.